

сапоги чистит, одевается сам, хоть иногда и барином смотрит; да врет, он и не знает, что такое прислуга; послать некого — сам сбегает за чем нужно; и дрова в печке сам помешает, иногда и пыль оботрет...

— Из немцев много этаких, — угрюмо сказал Захар.

— То-то же! А я? Как ты думаешь, я — «другой»?

— Вы совсем другой! — жалобно сказал Захар, все не понимавший, что хочет сказать барин. — Бог знает, что это напустило такое на вас...

— Я совсем другой — а? погоди, ты посмотри, что ты говоришь! Ты разбери-ка, как «другой»-то живет? «Другой» работает без усталости, бегают, суетятся, — продолжал Обломов, — не поработает, так и не поест. «Другой» кланяется, «другой» просит, унижается... А я? Ну-ка, реши: как ты думаешь, «другой» я — а?

— Да полно вам, батюшка, томить-то меня жалкими словами! — умолял Захар. — Ах ты, Господи!

— Я «другой»! Да разве я мечусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худошав или жалок на вид? Разве недостает мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать — есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава Богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне? И кому я это говорю? Не ты ли с детства ходил за мной? Ты все это знаешь, видел, что я воспитан нежно, что я ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался. Так как же это у тебя достало духу равнять меня с «другими»? Разве у меня такое здоровье, как у этих «других»? Разве я могу все это делать и перенести?»

Позднее, когда Захар приносит стакан квасу, Обломов снова начинает пилить его:

«— Нет, нет, ты постой! — заговорил Обломов. — Я спрашиваю тебя: как ты мог так горько оскорбить барина, которого ты ребенком носил на руках, которому век служишь и который благодетельствует тебе?»

Захар не выдержал: слово «благодетельствует» доконало его! Он начал мигать чаще и чаще. Чем меньше понимал он, что говорил ему в патетической речи Илья Ильич, тем грустнее становилось ему.

В конце концов «жалкие» слова барина вызывают у Захара слезы, а Илья Ильич, воспользовавшись этим обстоятельством, откладывает сочинение письма домовладельцу до завтра, говоря Захару:

— Ну, я теперь прилягу немного: измучился совсем; ты опусти шторы, да затвори меня поплотнее, чтобы не мешали, может быть, я с часик и усну; а в половине пятого разбуди.

Далее следует рассказ о том, как Обломов познакомился с молодой девушкой, Ольгой, которая, может быть, является наилучшим изображением русской женщины в нашей беллетристике. Общий друг Ольги и Обломова, Штольц, еще до знакомства Ольги с Обломовым много говорил ей о своем друге — о его талантливости, не находящей применения, и о его лени, которая в конце концов должна изуродовать его жизнь. Женщины всегда готовы выступать в роли спасительницы, и Ольга пытается вытащить Обломова из засасывающего его болота сонной, чисто растительной жизни. Она превосходно поет, и на Обломова, большого любителя музыки, ее пение производит глубокое впечатление.

Постепенно Ольга и Обломов начинают любить друг друга, и она пытается пробудить его от лени, разбудить в нем стремление к высшим интересам жизни. Она настаивает, чтобы Обломов закончил наконец проект об улучшении благосостояния своих крестьян, которым он, по его словам, занят целые годы. Она пытается пробудить в нем интерес к искусству и литературе, создать для него жизнь, в которой его талантливая натура нашла бы применение своим силам. Сначала кажется, что энергия и обаятельность Ольги незаметно и постепенно обновят Обломова. Он пробуждается, возвращается к жизни. Любовь Ольги к Обломову, развитие которой обрисовано Гончаровым почти с тургеневским мастерством, делается все более глубокой; по всей видимости, дело должно закончиться браком... Но именно этот последний неизбежный шаг пугает Обломова. Для этого ему нужно встряхнуться, съездить в имение и уладить дела, — словом, разрушить ленивое однообразие своей повседневной жизни, — и он не в силах это сделать. Он никак не может решиться на первые необходимые шаги. Он откладывает их со дня на день и в конце концов опять погружается в «обломовщину», возвращается к халату, постели и туфлям. Ольга готова совершить подвиг, превышающий ее силы: она пытается своей любовью вдохнуть энергию в Обломова; но в конце концов ей приходится признать, что все ее усилия бесполезны и что она чересчур положила на свои силы: болезнь Обломова неизлечима. Ольга расстается с Обломовым, и Гончаров описывает это расхождение в одной из замечательных по красоте сцен романа, часть которой я привожу ниже:

«— Так нам пора расстаться, — решила она. — Если бы ты и женился, что потом?»